

потому, что в отличие от большей части западных наблюдателей Штернберг не просто описывал виденное и не ограничивался восторженной апологией или, наоборот, безудержной критикой, а сделал попытку разобраться в сложной обстановке русской действительности 1790-х гг. При этом он проявил недвусмысленное сочувствие к народу, с возмущением описывал ужасы крепостного права и выражал уверенность в том, что крепостные добьются освобождения. Он неоднократно подчеркивал, что существующие в самодержавной России порядки наносят огромный вред хозяйственной жизни, тормозят развитие промышленного производства, влекут за собой низкие урожаи в деревне, нездоровый баланс внешней торговли и застой в предпринимательской деятельности. Все это, по наблюдениям И. Штернберга, пагубно отзывается прежде всего на уровне жизни основной части населения страны — крестьянства, которое вынуждено употреблять в пищу хлеб, смешанный с древесной корой. Возлагая главную ответственность за такое положение на царское самодержавие, И. Штернберг писал: «Я убежден, что хорошо развитая страна, попадающая под русское господство, пока оно остается тем, чем является в настоящее время, в короткое время лишится своего благополучия и впадет в горькую нужду».⁵

Полемическая страстность, чувство симпатии к простым людям, вера в светлое будущее России — все это невольно наводило на мысль о некоей личной или хотя бы косвенной причастности И. Штернберга к идейным поискам передовых людей России конца XVIII в., и прежде всего к А. Н. Радищеву. «В оценке социальных отношений Штернберг составляет примечательную параллель к Радищеву», — писал осторожно один из чешских авторов в 1949 г.⁶ В последние годы этим кругом вопросов много и плодотворно занимался Я. Вавра.⁷ Благодаря его усилиям не только расширился круг фактических данных о русских интересах И. Штернберга, но стало возможным получить более полное представление о его социально-экономической позиции. Я. Вавра правильно указал, что, осуждая екатерининскую, официальную Россию, полицейский режим которой он испытал на себе, Штернберг вместе с тем с чувством интереса и симпатии отнесся к жизни интеллигенции, средних слоев, предпринимателей и купечества, а также крепостного крестьянства. На примере критики И. Штернбергом крепостного права Я. Вавра вновь возвращается к возможному воздействию на чешского путешественника идей «Путе-

⁵ *Sternberg J. Bemerkungen...*, S. 76.

⁶ *Stejánek J. Moskva v českém písemnictví od nejstarších dob do druhé světové války.* Praha, 1949, s. 47.

⁷ *Vávra J. Česko-ruské vztahy v první etapě národního obrození.* — In: *Z bojů za svobodu a socialismus.* Praha, 1961, s. 35—41; *Dějiny česko-ruských vztahů. 1770—1917.* Praha, 1967, s. 18, 32—34; *Vávra J. Čeští osvícenci a obrození o agrární otázce v Rusku.* — *Slovanské historické studie*, sv. 9. Praha, 1972, s. 112—126.